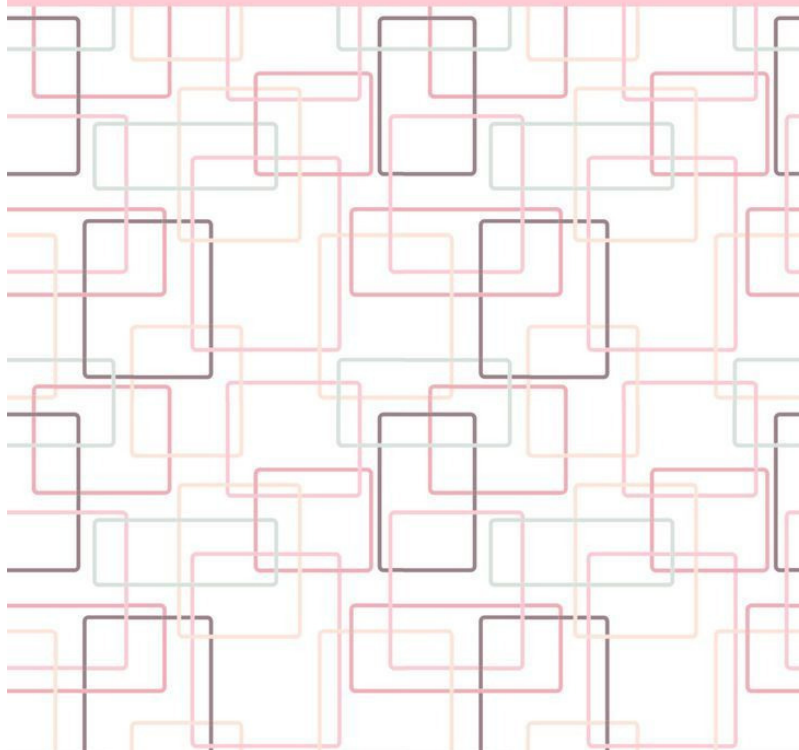

18+

Татьяна Клименко
Не любовь, а просто фантики

Татьяна Клименко

Не любовь, а просто фантики

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54036982

ISBN 9785449865472

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. В ваших руках сборник рассказов о том, как тернист и непредсказуем путь каждой девушки и женщины к настоящим, тем самым чувствам и отношениям. Возможно, в чем-то вы узнаете себя, а возможно – найдете в этом не больше смысла, чем в весеннем ветре. Неважно. Важно, что эти пару часов за чтением легких рассказов пройдут как увлекательный разговор с близкой подругой, после которого происходит самое важное – в сердце появляется уверенность в своих силах и в том, что все обязательно будет хорошо!

Содержание

Коняшка	5
Мигрень	16
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Не любовь, а просто фантики

Татьяна Клименко

© Татьяна Клименко, 2020

ISBN 978-5-4498-6547-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Коняшка

В то утро я проснулась с ощущением перемен. И чему предстояло измениться в моей жизни, я не представляла. Дело в том, что перемен я боялась с детства. В первом классе мама перевела меня из родной и «дворовой» в другую школу, где всем показалось, что моя фамилия Конюшко обязательно должна превратиться в прозвище Коняшка. Коняшкой я дожила до одиннадцатого класса, когда в моей жизни произошла еще одна перемена – новый брак матери и ее безмерная любовь к новому мужу принесли мне новую фамилию. Но тут взбунтовался отец, и всеобщим собранием (мое мнение не учитывалось), было решено зарегистрировать мне новую двойную фамилию, и стала я Рыженко – Конюшко. Надо ли говорить, как меня называли в институте?

Да, со всеми этими замечательными фамилиями я почти забыла, как меня зовут – именем, понимаете, пользовалась редко. Фантазия моих родителей была безудержной: звали меня Сабина, по отчеству я была то ли Марковна (по отцу), то ли Карловна (по отчиму). И знаете, мне было уже все равно. В паспорте было написано Сабина Марковна Конюшко, а еще у меня была справка о смене фамилии и отчества – то есть там я была Сабинной Карловной Рыженко – Конюшко. Короче, я бы отдала полжизни за такую же справку, где ме-

ня звали как-нибудь «Мария Ивановна Петрова». Но, не так устроен мир...

С ощущением перемен я приготовила себе кофе, с ним же приняла душ и накормила кота. Я начала перебирать, что же может измениться. Я пыталась предугадать, что интересного моя судьба приготовила мне на этот раз, я так хотела быть готова ко всему! Но, как говорится, не так устроен мир...

Работала я дизайнером в рекламном агентстве, жила я в съемной квартире в красивом районе красивого города. Было мне чуть больше двадцати – тридцать три.

И было у меня четыре «жизненных важности» – работа, квартира (я снимала ее уже 6 лет, и собиралась делать это еще не меньше 15 лет), кот Василий и, конечно, мой город – Киев. Его я люблю так, как можно любить только человека – многогранно, противоречиво и «просто так», а не за что-то. Я проанализировала свою жизнь и пришла к выводу, что перемены могут быть любые, но моих истинных ценностей они затронуть не смогут. Ведь с работой у меня все всерьез и надолго, договор об аренде квартиры подписан еще на 5 лет, все оплачено, Василий жив-здоров, даже без блошек, а мои отношения с Киевом так вообще непоколебимы. А всего остального я уже не боюсь!

Зря я так думала – не так устроен мир...

Вернувшись из своих мыслей, я заметила, что мне уже

давно пора собираться в мой мир «макетов и багетов», как когда-то выразилась дочка коллеги. Я быстренько оделась, и даже без макияжа выскочила на улицу. Заскочив в маршрутку, я обнаружила, что, торопясь, забыла кошелек. С некоторым смущением, я осмотрелась – нет ли тут никого из знакомых. Таковых не оказалось, и я пересела ближе к водителю, чтоб объяснить ему ситуацию.

– Понимаете, я сегодня так торопилась, что забыла деньги. Мне сегодня очень важно вовремя быть на работе. Я даже не красилась, вот выскочила, только бы успеть! А деньги забыла! Пожалуйста, я обязательно вам верну, честно, я возьму ваш номер телефона и отдам в пяти... в десятикратном размере. Пожалуйста...

– Дамочка, да если б мне все, кто сказки рассказывал, отдал хоть номинал, я б уже богатым стал! – маршрутка резко затормозила, – Ищите дурака в следующей маршрутке!

Я так и не поняла, почему отсутствие моей гривны так могло испортить его финансовое положение, но все же вышла без лишних разговоров, даже, по-моему, проронив «спасибо!». Ух, надо бы позвонить на работу. И тут раздался звонок моего телефона – надпись «офис», виднеющаяся на дисплее, опередила события.

– Алло!

– Сабина, что вы себе позволяете! Который час?

– Э, половина девятого, – робко ответила я, вспоминая свой рабочий график, и была уверена, что начинаю работу

в девять, вот уже шесть лет.

– Сабина, половина девятого было вчера, а сегодня – половина десятого! Вы что, ребенок, которому надо напоминать о переводе часов? – голос шефа был на стадии кульминационной ярости.

– Иван Петрович, я..., – не знаю, что сказать, мысленно продолжила я свою фразу.

– У нас через 10 минут презентация проекта перед советом директоров клиента, а вашего макета нет! Где он и где вы?

Что за дурдом? Я никогда не подводила со сроками, но на сей раз я даже представить себе не могу, о каком проекте и макете идет речь! Да, я забыла перевести часы, но об остальном-то я помню! Или должна помнить? И как это объяснить шефу? Ведь даже если я прямо сейчас окажусь на работе (а мне туда и с деньгами и на такси минут сорок, не меньше), то неизвестный мне макет не появится.

– Иван Петрович, я..., – снова попыталась что-то произнести я.

– Я уже сорок два года Иван Петрович! Если через 10 минут вы с макетом не будете на работе, считайте, что вы уволены.

И в трубке закричали короткие гудки.

Вот так и перемены! Десять минут – время не реальное, макет сам собой не материализуется, так что можно смело ехать домой и покупать газету с вакансиями. Интересно, что

одеть на собеседование? А там, гляди, и Петрович остынет.

До дома было две остановки, я решила не претендовать более на благосостояние маршруточников и пойти пешком.

По дороге домой мне в голову пришла мысль о том, что все мои перемены уже прошли. Конечно, ничего приятного, но это пока. Может, мне удастся найти новую престижную работу или еще что-то. В общем, небо на голову не упало и хорошо! И уже в почти отличном настроении я вошла в свой подъезд.

А в подъезде меня ждал новый сюрприз – грохот, шум и гам всех соседей.

– Бина! – заорала Нинка из пятой квартиры, – там твою квартиру залило жутко, потому что вода есть уже и в подъезде и у Глафиры Петровны!

Петровна жила подо мной, этажом ниже. В уме молниеносно пронеслась картинка всемирного потопа в моей квартире.

– Васечка! – крикнула я и понеслась что было мочи открывать квартиру и спасти самое дорогое – кота.

Я открыла дверь, и на меня буквально хлынул поток воды, при чем горячей.

Оказалось, прорвала батарею, при чем в перекрытии. Поток был жуткий. И за те сорок минут, что меня не было вода успела испортить все, что могла в моей квартире, и перекинулась на соседскую. День рабочий, пока все собрались...

Воду отключили еще минут через десять. Итого, спасла я только самое дорогое – кота! Васечка был мокрым и перепуганным. Он не понимал, что ему еще повезло.

Пока я спасала свой маленький домашний мир от всемирного потепления и потопа одновременно, мне успели семь раз позвонить с работы. А что толку? Мне было совсем не до них. Как, в прочем, и сейчас. Я осталась без работы и без квартиры в прямом смысле этого слова. Что ж, хоть это и произошло за битый час, я не отчаивалась. Я держала на руках кота и шла по любимому Киеву к подруге детства «проситься на ночлег». Пока там хозяин квартиры выяснит все, пока уладят все судебные тяжбы с жеком и сделают ремонт, мне жить негде. Я, конечно, позвонила в агентство недвижимости, которое полностью курировало мое проживание в квартире, и ощутила полную отдачу от траты всех тех безграничных денег на их услуги и страховки чего-то там. Я ушла, а они остались ругаться с жеком и хозяином. Так что не все так плохо!

Лиза жила в менее красивом районе моего любимого города. Но главный плюс – она жила одна. И я могла быть уверена, что не помешаю ей в ее трехкомнатной квартире. Будучи уже фактически перед ее дверью, я соблюла приличия и позвонила узнать, корректно ли к ней зайти. Она радостно отреагировала на мой визит. Я даже успела захватить ее любимые конфеты.

И вот уже через десять минут я сидела на хорошо знакомой с детства кухне Лизы и пила хорошо знакомый чай. Я поведала подруге свою печальную историю.

– Бина, оставайся столько, сколько будет нужно! – безапелляционно заявила она, – вот только твоя кошечка. Понимаешь, мой котик гуляет и может ей сделать котят...

– Не беспокойся, это тоже мальчик.

– Вот и отлично!

Так я сменила место жительства. Через час безудержной болтовни (а мы не виделись примерно год) мы решили наведаться в мое прежнее жилище с целью отыскать там вещи, пригодные к использованию.

Я стояла на пороге еще час назад моей квартиры и наблюдала ужасную, чудовищную картину: по моим коврам, по моим расплывшимся по всюду дорогам во всех смыслах вещам ходили грязные и жестокие ноги каких-то незнакомых людей! Я не выдержала и закричала.

– Что вы все делаете? Кто дал вам право так поступать? Это моя собственность! Вон отсюда!

– Барышня, а вы кто?

– Я тут живу!

– А, Вадик говорил, что его жена подъедет. Вы Ира?

– Нет, – я начинала понимать, что речь идет о той семье, у которой я арендовала квартиру, но я их так и не видела, мы все подписали через агентство, и через него же общались.

– А кто?

– Сабина.

– А он не говорил, что уже сменил жену. А, Вадим Леонидыч, тут ваша жена подошла!

– Где? – сказал мужчина, от голоса которого у меня поплыло в сознании.

Нет, не подумайте, что влюбилась, просто мучительно пыталась вспомнить, где ж я его могла слышать. Бывает, вот уверен ты, что знаешь голос (или внешность), а вспомнить не можешь. Так и я пялилась на загадочного Вадим Леонидыча, а его строители тыкали на меня пальцами и повторяли «Жена!»

– Здравствуйте, вы, наверное, моя квартирантка?

– Да, если вы – хозяин этой квартиры.

– Нам надо поговорить, – начал он, – мы с женой разводимся. И эта квартира – наше общее имущество. Нам надо ее продать. Я понимаю, что наш договор подписан на долгое время, но тут такие обстоятельства, еще и потоп этот. Даже без продажи, пока мы бы сделали ремонт, вам нужно где-то жить. Пожалуйста, давайте договоримся! Мы расторгнем договор долгосрочной аренды, я вам все возьму и оплачу услуги агентства по поиску и обслуживанию вашего нового жилья. Идет?

– Я вспомнила! Вспомнила! Вы – директор международного проекта «Медиа – Арт»!

– Да, – в замешательстве ответил он.

– Я Сабина, Сабина Конюшко. Мы с вами общались

на презентации в посольстве. Вы тогда предлагали мне прийти на собеседование для участия в новом проекте, но приехал министр, и вы не успели оставить свои контакты.

– Точно, я вспомнил! Вы художница, работаете в стиле сюрреализма?

– Точно!

Короче, когда в квартиру поднялась уставшая от ожидания Лиза, мне уже сделали более чем приличное предложение новой работы.

– Я думаю у вас получится. К тому же Львов – замечательный город.

– А речь идет о Львове?

– Ну да, ведь проект является грантом по программе Европейского Союза, вот они и решили обосноваться в любимом городе Юнеско – Львове. А что, для вас переезд невозможен?

– А как скоро надо ехать?

– Можно завтра.

– Можно, – с улыбкой ответила я, – мне теперь все по плечу!

Лиза проводила меня и Васечку на Львовский поезд на следующий день, а Вадим связался с Львовским агентством недвижимости и, как обещал, взял все сложности на себя. Так что я ехала в новый город, который уже почти любила, где меня ждала новая квартира и, без сомнения, но-

вая жизнь. И Васечка успокоился. Он обычно так пронзительно мяукал, а тут спал себе спокойно, только постоянно искал место поуютнее. Видимо, плохо перенес потоп.

В новой квартире все было даже лучше, чем в прежней, а любовь Юнеско я разделила с первого взгляда.

В свой первый рабочий день я проснулась на новом месте с ощущением перемен. И на сердце было тепло.

Я пошла на кухню, где грелся Васька, приготовила чай. Тут позвонил мобильный.

– Здравствуйте, меня зовут Орест. – раздалось в трубке.

– Здравствуйте, – бодро ответила я.

– Я ваш новый коллега, и я помогу вам освоиться на новом месте. Вадим дал ваш номер, я знаю ваш адрес. Если не возражаете, я поднимусь, и мы все обсудим.

– Конечно, приходите, чайник еще не остыл.

В ту же секунду в дверь позвонили. На пороге был красивый еще молодой мужчина, в глазах которого читалась невероятная сила и любовь к прекрасному (первое, на что обращает внимание приличный искусствовед).

– Орест! – представился он.

– Сабина Конюшко.

– Орест Кормоедов.

Я едва сдержалась от смеха, но мне в миг стало все ясно. Ну, на какую фамилию можно поменять Рыженко – Конюшко? Разве только на Кормоедову!

И вот уже год я живу во Львове. Моя фамилия через два дня поменяется, буду я Сабина Кормоедова. Я счастлива! И я ни за что ее не сменю, ведь это часть меня и моего любимого Ореста.

Вот так я сменила все, что было для меня важно, на то, что стало для меня всем.

Забыла сказать, Васечка теперь Василиса и уже во второй раз приносит нам очаровательных котят. А первых мы с Орестом раздали нашим друзьям: Вадиму, Ире – его бывшей жене, а теперь любимой (они после развода продали свою квартиру и остались жить в «моей»), Иван Петровичу и Глафире. И Лизке мы отдали одного – отцу на воспитание.

А на второй день после переезда мне позвонил Петрович, сильно извинялся. Оказалось, что график перепутали, и у шефа в сетке, там, где пишут ответственного, стояла моя фамилия, а на самом деле проект вела Лариса из соседнего отдела. Все выяснилось в тот же день, мне звонили, но я же не слышала. Ведь не так устроен мир, и Слава Богу!

Мигрень

Это был маленький номер в гостинице. Не дорогой, но приличный. Стол, масляная лампа, хорошая кровать. Она присела на край кровати и вспомнила, что-то другое, что-то ужасно ускользающее от ее памяти. Что-то мучавшее ее мигренями уже долгие годы. Боль подступила и сморила ее. Откинувшись на кровать, она уснула мертвым сном, будто бы провалившись в абсолютно другой мир, другую реальность. Где был маленький, крохотный, едва уловимый, как аромат парфюма, шанс вспомнить.

Сон встретил ее разум густым туманом. Серые клубни были мягкими и ее падение, провал в бездну сознания не был болезненным. Но он был тихим и молчаливо охранял какую-то тайну.

Она была в том же желтом платье и неудобных чулках, в которых там на кровати гостиницы она сдалась мигрени. Высокий каблук босоножек казался ей неуместным в этом неизвестно где. Она пошла вперед, пробираясь сквозь клубни уже начавшего рассеиваться тумана. Впереди она увидела негустые совсем заросли непонятной травы, только крупной какой-то. Подул ветер и трава «запела» – начала издавать странный мелодичный звук. Из звука появился цвет, это был холодный розовый: то ли рассвет, то ли закат. Тут почему-то все было не ясно. Все нарисовалось акварелью. Ее

сознание играло с ней. И все же туман ушел. Картинка становилась все четче. Одноэтажный дом. Со странной плоской крышей. На ступенях дома сидит кто-то бледный, прямо белый со странными не естественными розовыми щеками. Копна черных густых волос туго стянутых чуть выше затылка растрепалась и начали падать на плечи крупными локонами волосы. Это женщина. Она явно мучается от боли, трет правый висок, пытается жадно дышать, поднимает к небу напряженный, искаженный болью взгляд. Кажется, и она пытается поймать что-то неуловимое, что-то убивающее через мигрени. Женщина с силой зажмуривается и проваливается в мертвецкий сон.

Крупный серый дым. Почти черный, тяжело дышать. Дым, гарь, много пыли. Слепит глаза. Чулки сползли, каблук сломался. Волосы совсем растрепались. Но не у нее одной. Рядом стояла в белой одежде вторая женщина, чьи волосы совсем распались из прически и лежали водопадом до пояса, накрыв плечи естественной накидкой. Женщины взяли за руки и всматривались в начинавшую рассеиваться мглу. Появилась картинка. Из пыли выскочила на огромной скорости лошадь. Всадника почти не было видно. На полном ходу всадник спешил и уверенно взбежал на издавшие истошный скрип ступеньки. Крупные сапоги, невысокий устойчивый каблук, грубые и грязные шпоры. Но выше были стройные и красивые ноги, накрытые ассиметричной юбкой в клетку. Глубокое декольте, большая упругая грудь,

копна черных непослушных бесконечных волос. Женщина. Распахнула с ноги дверки-половинки и забежала в помещение.

Настали сумерки. Эта же женщина сидит с бутылкой, наполненной жидкостью темно-коричневого цвета на скрипучих ступенях. Она чертит что-то на песке дулом своего револьвера и отхлебывает из бутылки. На песке появляется тонкий узор завитков и цветов. Бутылка пустеет, она бросает ее вверх. В бутылку без единого промаха устремляются два патрона, и осколки маленькими искрящимися камушками покрывают цветочный узор на песке у ног. Женщина обнимает свои колени, трет правый висок и громко рыдает от не проходящей боли. Постепенно плач смолкает и она погружается в сон.

Уже втроем они стоят на морозной поляне. Так холодно, что глаза обжигает. Все залито солнечным светом и от этого до боли ничего не видно. Кругом ничего, только холод и невероятный яркий белый свет. Три пары глаз все же приходят в себя и начинают жадно отвоевывать изображение. Молодая женщина с длинной косой почти до пят, одетая в простое платье прямого кроя сидит на пне от крупного дерева.

Запахло сырой землей, соком ягод, дымом костра. Осень. Женщина поет. У ног ее лежит весьма крупный пес. А нет, волк. Он дернулся и желтыми глазами впился в то место, где стояли три женщины. Животное напряглось, но хозяйка по-

гладила его ладонью и успокоила. Позвала в темноту.

В темноте был небольшой дом. Освещение в нем скудное – лишь отблески горячего огня, живого. На чем-то, отдаленно напоминающем кровать, лежит высокий и статный мужчина. Он ранен. Израненное тело тонко пахнет сырым мясом и немного гноем. Волк грустно скулит. Девушка неустанно варит что-то в котелке, прикладывает к кровавому телу и поет. Всегда поет. Сквозь песню эту наблюдатели не заметив времени пролетают недели, месяцы, год.

И вот статный мужчина уже колет дрова, убивает кабана и медведя, скорнячит обувь и стелет шкуру в избе. Его светлые как лед прозрачной талой воды ярко синие глаза светятся счастьем. Ее глубокие зеленые огромные глаза цвета осени стали мягче. Волк чаще спокойно спит, ведь у дома и хозяйки есть надежный охранник.

– Это не медицина, да? – спросил он, – Это колдовство?

– Да, – тихим голосом ответила она, – я не устаю спасать тебя. Я уже 7ю жизнь борюсь за тебя со Смертью. Я пока побеждаю.

– Почему?

– Это не мне вспоминать. Я просто буду делать то, что чувствую, до дна, до тла. Не мне выбирать. Выбор всегда за тобой.

– А что выбирать? Что я выбираю?

– Скоро узнаем.

Песнь становится громче. Три года. Поседевший волк сидит у ног нестареющей хозяйки. Они оба смотрят в даль потухшими глазами. В ее осени пошел ливень, в волчьих глазах погасла вера. Вдалеке виднеется спина высокого красивого широкоплечего брюнета. Девушка повернулась к казавшимся невидимыми наблюдателям.

– Он снова ушел. В этот раз ушел на войну, с которой уже никогда не вернется ко мне, – сказала она похожим на нее как тени от разного света трем женщинам.

– Снова? А куда он уходил?

– Ах, куда он только не уходил за эти семь жизней. И к забытой жене, и к родителям, и в другой клан, и спасти сестру. Там один раз даже тесть с тещей были одинокие и несчастные после смерти жены, – вздохнула она. – Заходите, компота вам с травками налью, все веселее будет.

За столом сидели четыре женщины. Лишь одна из них была наполнена знанием, а три другие вытесняли свои страдания удивлением.

– Кто он?

– Я не знаю. Он мой, а я его. Мы будто выпали из одного сосуда. И катимся сквозь века и жизни, встречаясь в каждой и повторяя одну и ту же историю: моя часть спасти его от все более страшной участи, его часть – выбрать.

– А что он выбирает? Он же любит тебя, это очевидно!

– Да, его любовь никогда не ставится под сомнение. С ним я молчу, свечусь и колдую. Рядом с ним я становлюсь осо-

бенно сильной. До встречи с ним я набираюсь сил, потом спасаю его. Я люблю его. Он любит меня. Но каждый раз, выбирая между долгом и чувством, он выбирает долг. Сперва я шла за ним. В одной из жизней я отреклась ото всего и шла за ним, чтобы снова спасти. Но нет, я спасаю его, чтобы он сделал выбор. И так выходит, что я выбираю жизнь, а он – всегда выбирает смерть.

– А что потом?

– А потом я живу дальше. И кажется, а нанизываю на эту леску все больше нерешенных кармических задачек., – в зеленых глазах сверкнул недобрый огонек и мягкие губы искривились в подобии улыбки, – Я не могу никого больше любить, но и быть одна я не могу. Так что простите меня, но каждой из вас предстоит не только одна эта встреча с Ним, но и с каждой следующей жизнью все больше встреч с теми, у кого забрала душу темная ведьма. Все мы темные ведьмы после того, как нас отвергнет тот, для кого мы всемогущие белые волшебницы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.